

Сумерки сгустились над городом. Обычно в этот час в «Весеннем тереме» начиналось самое оживление, но сегодня там царила зловещая тишина. Даже фонари у входа остались непогашенными.

Весь «Весенний терем» словно вымер.

Случайные прохожие, по привычке собиравшиеся заглянуть внутрь ради забавы, завидев у дверей свирепых стражников с обнаженными мечами, мгновенно душили в себе это желание. Они даже не смели поднять глаз и, понуриив головы, поспешно убирались прочь. Вскоре улица, на которой стоял притон, совершенно опустела.

Мин Фулай уже подыскал жилье и теперь ждал у входа, когда выйдет Второй господин. Вскоре в окружении слуг появился и сам Мин Пэнкунь.

— Второй господин, — угодливо подскочил Фулай, — ничтожный слуга нашел для вас достойное прибежище. Не желаете ли перебраться туда прямо сейчас?

Фулай не подвел: всего за пару часов он отыскал самое большое и красивое поместье в уезде. Под угрозой клинков он силой выставил хозяев вон, наскоро привел всё в порядок и прибежал докладывать.

Выместив ярость в «Весеннем тереме», Мин Пэнкунь заметно смягчился и даже убогие постройки на улице уже не вызывали у него такого бешенства.

— Поехали, — лениво бросил он.

Мин Пэнкунь устроился в карете, Фулай вскочил на козлы, и они направились к цели. Поместье находилось на юго-востоке уезда. Обширная территория, изысканная отделка, резные крыши и высокие терема — в глазах простых жителей Фэнчэна это было место, о котором они не смели даже мечтать. Оказавшись там, простой человек побоялся бы даже поднять голову или ступить шагом, страшась испачкать этот «райский уголок».

Однако в глазах Второго господина Мина, который с рождения взирал на мир с вершин сословной иерархии, это «лучшее поместье» не годилось даже для его столичных слуг. Он никогда не жил в такой нищете. Но понимая, что в этом захолустье ничего лучше не найти, он снова помрачнел.

Мин Фулай, мастерски читавший по лицам, тут же понял, что господин недоволен.

— Второй господин, потерпите немного в этой тесноте. Завтра же я найму людей, чтобы подновить усадьбу. Через пару дней здесь будет уютно, обещаю!

Мин Пэнкунь лишь надменно задрал подбородок:

— Веди.

— Прощу, господин!

Фулай, подобострастно кланяясь, ввел Мина в дом. Четверо стражников следовали за ними тенью. Чтобы господину было кому прислуживать, Фулай выгнал только хозяев, оставив смазливых юношей-слуг и нескольких крепких работников для черных дел. Около десятка человек, дрожа от страха, дожидались своей участи в главном зале.

Мин Пэнкунь прошел вперед и вальяжно развалился в главном кресле. Мин Фулай выпятил жирный живот и властно обвел слуг взглядом:

— Слушайте меня внимательно! С этой минуты Второй господин — ваш единственный хозяин. Если кто посмеет выказать хоть каплю неуважения — пеняйте на свои головы!

— Слушаемся! — несчастные слуги в ужасе согнулись в поклоне.

— Приветствуем Второго господина.

Фулай удовлетворенно кивнул и, заметив, что на лице господина нет гнева, облегченно выдохнул. Затем он принялся распоряжаться:

— Ты! Живо завари господину лучший чай и подай лучшие сласти. Вы двое — размять господину плечи и ноги. Остальные — брысь по местам!

Когда лишние ушли, Фулай подобострастно пролепетал:

— Второй господин, будут ли еще приказания?

Массаж был приятным, и Мин Пэнкунь, прикрыв глаза от удовольствия, лениво заметил: — А ты умеешь нагнать страху, Мин Фулай.

Тот хихикнул: — Всё благодаря вашей милости, господин! Лиса лишь пользуется могуществом тигра, а собака — властью хозяина.

Его забавные оправдания развеселили Мина, и тот окончательно оттаял.

Уездный судья Фэнчэна, Ван Чжигао, занимал свою должность уже более двадцати лет. Сейчас ему было под пятьдесят. В двадцать с небольшим, сдав экзамены на звание цзиньши, он был полон надежд и готов к великим свершениям. Увы, будучи выходцем из бедной семьи, без связей и денег, он лишь наблюдал, как его сверстники идут в гору, пока сам тонул в неизвестности.

Когда он получил назначение на окраину, то поначалу обрадовался, и лишь прибыв на место,

понял, почему никто другой не претендовал на этот пост. Здесь была беспросветная нищета. Он пытался проводить реформы, но местное население, привыкшее к покою, не проявляло рвения. Со временем Ван Чжигао махнул на всё рукой. Его будни заполнились мелкими тяжбами: кто у кого украл утку или кто с кем подрался на меже. Изредка он принимал подношения от местных землевладельцев. Без денег на взятки вышестоящим, он так и застрял в этой пустыне на двадцать три года.

Сегодня он по привычке зашел в управу и мирно дремал в тени, ожидая заката. Когда жара спала, он уже собрался домой, как вдруг в ворота забарабанили. Прибежали люди с криками о помощи: случилось убийство! За двадцать три года службы это было первое дело о лишении жизни. Ван Чжигао встрепенулся, облачился в чиновничье платье и велел стражникам немедля схватить преступника.

Каково же было его удивление, когда вскоре стражники вернулись с разбитыми лицами. Не дав судье и рта раскрыть для брани, они, заикаясь от страха, доложили: убийца — знатный господин из самой столицы, по фамилии Мин. С ним десяток профессиональных бойцов, и если бы стража не была в казенной одежде, их бы и вовсе в живых не оставили.

Услышав это, Ван Чжигао едва не лишился чувств. Он тут же велел побить жалобщиков палками и вышвырнуть их вон. Затем собрал богатые дары, приказал вести себя к дому «гостя» и поспешил замаливать грехи. Это же семья Мин! Даже в этой глуши знали, какую власть они держат в руках. Будь этот человек хоть самым дальним родственником клана, мелкому судье он не по зубам.

Ван Чжигао, тряся приличным брюшком, семенил к поместью, жир на его лице подпрыгивал при каждом шаге. В глубине души он даже ликовал: если удастся запрыгнуть на «большой корабль» семьи Мин, он, возможно, наконец выберется из этой дыры!

— Господин судья, это здесь.

Задыхаясь, Ван Чжигао поднял глаза.

— Позвольте, это же поместье богача Хо? Неужели благородный гость как-то связан с семьей Хо?

Он быстро поправил съехавшую набок шапку и приказал помощнику:

— Живо, стучи в ворота!

— Слушаюсь, господин.

Ван Чжигао долго продержали у ворот, прежде чем кто-то вышел к нему и свысока, полным спеси голосом, бросил:

— Второй господин соизволил тебя принять.

Судья закивал, подобострастно кланяясь, и его пухлые пальцы ловко сунули серебряный слиток в руку слуги.

— Да-да, премного благодарен господину за труды, за добрую весть!

Тот взвесил серебро на ладони, спрятал его за пазуху и, словно оказывая великую милость, бросил:

— Иди за мной.

Ван Чжигао со своими людьми поспешил следом. Оказавшись внутри, он быстро понял, что ошибся в своих догадках: знатный гость не был связан с семьей Хо — он просто положил глаз на их поместье и силой занял его.

Их довели до дверей покоев. Проводник зашел внутрь доложить и вскоре вернулся:

— Второй господин ждет.

Ван Чжигао поспешно поправил шапку и, согнувшись в три погибели, вошел внутрь.

— Ничтожный слуга, уездный судья Фэнчэна Ван Чжигао, приветствует Второго господина!

Сверху не последовало ответа, но Ван Чжигао не смел поднять головы, склоняясь еще ниже. Мин Фулай покосился на судью и тихо шепнул:

— Второй господин, судья прибыл.

Мин Пэнкунь, казалось, дремал. Услышав слова слуги, он приоткрыл один глаз и издал неопределенный звук носом:

— Судья?

Он выпрямился, махнув рукой двум служителям, которые всё еще массировали ему плечи. Мин Фулай тут же подал ему чашку чая идеальной температуры.

Мин Пэнкунь не спеша отпивал чай, ни во что не ставя стоящего перед ним чиновника. Ван Чжигао подал знак своим людям, и те выставили несколько изящных ларцов.

— Второй господин, это скромный дар от вашего покорного слуги. Прошу вас, не побрезгуйте.

Мин Пэнкунь даже не взглянул на подношения. Он лишь слегка приподнял веки, глядя на

судью с надменной усмешкой:

— Слышал, ты собирался арестовать этого молодого господина?

— Недоразумение! Чистой воды недоразумение, Второй господин! — Ван Чжигао судорожно вытирал пот, частиком повторяя: — У вашего слуги и в мыслях не было проявлять к вам неуважение!

— Но я ведь и вправду убил людей, — Мин Пэнкунь одарил его снисходительным взглядом и криво усмехнулся.

Жир на лице Ван Чжигао затрясся:

— Убили — значит, так им и надо! Сами виноваты, чернь неотесанная, раз посмели словом или делом задеть благородного господина! Ваш слуга уже велел всыпать тем смутьянам, что пытались морочить голову правосудию, тридцать палок и вышвырнуть их из управы. Второй господин, проявите великодушие, ваш слуга не должен был верить наветам и беспокоить вас!

Мин Пэнкунь окинул его взглядом с ног до головы, и в его глазах промелькнула тень одобрения.

— А ты неплох. Прозябать в такой дыре для тебя — пустая трата таланта. Когда я вернусь в столицу, непременно замолвлю слово перед отцом. Способные люди не должны оставаться в тени.

— Благодарю за милость, Второй господин! — Ван Чжигао задрожал от восторга, уже видя перед собой блестящее будущее, чины и награды.

Мин Фулай тем временем вставил:

— Господин, опочивальня готова. Желаете ли отдохнуть?

Мин Пэнкунь поморщился. Слуга тут же добавил:

— Не извольте беспокоиться, завтра я найму людей и перестрою в этой усадьбе всё, что вам не по нраву.

Ван Чжигао, почуяв возможность, мигом подхватил:

— Второй господин, у вашего слуги есть небольшое, но весьма приличное поместье. Оно не такое обширное, как это, зато отличается изысканностью. Пока здесь будет идти стройка, не соблаговолите ли вы пожить у меня? К тому же вы здесь человек новый, местность вам незнакома... Позвольте вашему слуге самому заняться перестройкой этого дома?

Мин Фулай кивнул: — Господин, судья говорит дело.

Ван Чжигао бил себя в грудь, обещая:

— Второй господин, доверьтесь мне! Не пройдет и двух недель, как я превращу это место в покои, достойные вашего величия!

Мин Пэнкунь нехотя кивнул и, величественно поднявшись, направился к выходу:

— Веди.

— Прощу вас, Второй господин! — просиял Ван Чжигао.

Терем Весеннего ветра .

Обычно днем гэри в таких заведениях отдыхают, но сейчас в здании былолюдно. Однако никто не произносил ни слова — даже если случалось перекинуться парой фраз, это делалось шепотом. Люди походили на напуганных птиц. Некогда шумный терем казался безжизненным и холодным.

Дверь одной из комнат во внутреннем дворе отворилась, вышел гэр с медным тазом в руках, тихо прикрыл дверь и бесшумно удалился. В комнате, в кресле неподалеку от постели, сидел фулан-содержатель. Он тяжело вздыхал, и лицо его выражало глубокую скорбь. Сян-гэр сидел на краю кровати, вытирая платком пот с лица лежавшего там человека.

— Матушка, что же нам теперь делать? — с тревогой спросил Сян-гэр.

— А что тут сделаешь? — с горечью отозвался хозяин. — Эту горькую чашу нам придется испить до дна и молчать!

Сян-гэр вспомнил события того дня и невольно содрогнулся от ужаса. Как бы сильно ни кипело в них негодование, они не могли добиться справедливости. Кого волнует жизнь дешевого гэра? Он лишь молился, чтобы эти люди больше не возвращались...

— Лянь-гэр? Лянь-гэр, ты очнулся? — воскликнул Сян-гэр, заметив, что лежащий открыл глаза.
— Лянь-гэр, как ты? Где болит?

Он хотел было прикоснуться к нему, но, вспомнив, что на теле бедняги не осталось ни одного живого места, испуганно отдернул руку.

— Очнулся! — Содержатель вскочил и подбежал к кровати. — Слава богам! Лянь-гэр, ты наконец пришел в себя!

Тот лишь отрешенно смотрел в пустоту. В его глазах не было жизни.

— Лянь-гэр, постарайся смириться... Матушка знает, как тебе горько, но жить-то надо.

Видя его в таком состоянии, хозяин не мог сдержать слез. Он то и дело прижимал руку к груди и кашлял — тот удар стражника нанес ему серьезную рану, и он уже несколько дней пил горькие отвары. У него никогда не было ни мужа, ни детей, и к гэрэ в своем тереме он относился как к родным. Почти все они были из бедных семей, проданные от нужды. Содержатель считал себя честным человеком: давал им кров, не притеснял, а заработок делил честно. Если кто копил достаточно денег на выкуп — он не чинил препятствий.

Лянь-гэр был маленьким нищим, которого он подобрал на улице. Мальчик выучился игре на цине и стал «чистым гэрэ», продающим талант, а не ласки. Хозяин не неволил его. Лянь-гэр мечтал накопить денег, выкупиться и начать новую, чистую жизнь в другом месте...

Кто бы мог подумать... Да он хуже зверя!

Глядя на истерзанное тело Лянь-гэра, покрытое синяками и ранами, содержатель не мог сдержать слез. Он изо всех сил старался сделать жизнь своих гэри в тереме легче, всеми силами ограждал их от клиентов с дурными наклонностями, но кто же знал...

— Да, Лянь-гэр, в мире нет таких бед, которые нельзя было бы пережить. Раз уж всё так обернулось... — Сян-гэр осторожно пытался утешить его, — жизнь важнее всего на свете...

Лянь-гэр смотрел перед собой остекленевшим взглядом, и было неясно, слышит ли он их. Лишь когда у обоих утешителей почти пересохло в горле, он хрипло произнес свои первые слова:

— Сяо... Сяо Люцзы? Где Сяо Люцзы?

Наступила тишина. Сян-гэр отвернулся, его плечи задрожали — он не смел смотреть Лянь-гэру в глаза.

— Лянь-гэр... ты... просто поправляйся, — через силу выдавил фулан.

— Я... знаю... я знаю... — пробормотал Лянь-гэр. Такая страшная рана, столько крови... разве мог Сяо Люцзы выжить? Прозрачные слезы градом покатались из уголков глаз, он издал несколько коротких, надрывных всхлипов. Сяо Люцзы... Его Сяо Люцзы, которого он любил как родного брата...

Лянь-гэр подобрал его, маленького нищего, два года назад в зимнем переулке. Мальчику не было и десяти лет; полуодетый, истощенный до костей, он совсем посинел от холода. Должно быть, почувствовав родственную душу, Лянь-гэр привел его к себе и оставил в тереме личным слугой. Они были как братья и договорились: когда Лянь-гэр накопит на выкуп, он заберет Сяо Люцзы с собой, и они станут настоящей семьей...

— В управу! — Лянь-гэр вдруг забился, пытаясь подняться, и мертвой хваткой вцепился в руку содержателя.

В его глазах вспыхнул огонь.

— Матушка, вы сообщили в управу? Господин судья ведь схватит этих зверей? Они убийцы! Не только моего Сяо Люцзы... они убили двоих!

— Лянь-гэр... — вздохнул фулан, и в его взгляде смешались жалость и бессилие. — Мы послали в управу... Но, Лянь-гэр, это бесполезно. Нашего человека избили до полусмерти, он до сих пор не пришел в сознание... Говорят, это знатные господа из самой столицы. Даже судья не смеет им перечить, что уж говорить о нас...

Свет в глазах Лянь-гэра окончательно погас, его руки бессильно упали.

— Теперь даже судья лебезит перед ними. Жизнь наша гроша ломаного не стоит. О справедливости и мечтать нечего, сейчас остается только молить небеса, чтобы те люди больше не вспоминали о нашем тереме...

Содержатель помог Лянь-гэру лечь и укрыл его тонким одеялом.

— Отдыхай и постарайся смириться, хорошо?

Лянь-гэр лежал на кровати неподвижно, серый лицом, словно мертвец. Но под одеялом его ладони медленно сжались в кулаки.

<http://bllate.org/book/15226/1355856>